

М.М. Щербатов

**О повреждении нравов
в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.М. Щербатов**
О повреждении нравов в России / М.М. Щербатов – М.: Книга по
Требованию, 2013. – 86 с.

ISBN 978-5-4241-2151-7

М. М. Щербатов (1733-1790) - князь Рюрикович (37-е колено от Рюрика), был сыном М. Ю. Щербатова, архангельского губернатора, одного из сподвижников Петра I.

Мемуарный памфлет М. М. Щербатова "О повреждении нравов в России" написан в 1786 г. или 1787 г. Сочинение это, наряду с рядом других, явилось своеобразным итогом многолетней деятельности Щербатова-историка - государственного деятеля, дворянского публициста.

ISBN 978-5-4241-2151-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Взирая на нынешнее состояние отечества моего с таким оком, каковое может иметь человек, воспитанный по строгим древним правилам, у коего страсти уже летами в ослабление пришли, а довольное испытание подало потребное просвещение, дабы судить о вещах, не могу я не удивиться, в коль краткое время повредились повсюдно нравы в России. Воистину могу я сказать, что естли, вступая позже других народов в путь просвещения, и нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов; мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов и достигли даже до того, что вера и божественный закон в сердцах наших истребились, тайны божественные в презрение впали. Гражданские узаконения презираемы стали. Судии во всяких делах нетоль стали стараться объясняя дело, учинить свои заключения на основании узаконеней, как о том, чтобы, лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыль или, угождая какому вельможе, стараются проникать, какое есть его хотение; другие же, не зная и не стараясь познавать узаконения, в суждениях своих, как безумные бредят, и ни жизнь, ни честь, ни имения гражданския не суть безопасны от таковых неправосудей. Несть ни почтения от чад к родителям, которые не сты-

дятся открытно их воли противоборствовать и осмеивать их старого века поступок. Несть ни родительской любви к их исчадию, которые, яко иго с плеч слагая, с радостию отдают воспитывать чуждым детей своих; часто жертвуют их своим прибытком, и многие учинились для честолюбия и пышности продавцами чести дочерей своих. Несть искренней любви между супругов, которые часто друг другу, хладно терпя взаимственные прелюбодеяния, или другия за малое что разрушают собою церковью заключенный брак, и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся сим поступком. Несть родственнические связи, ибо имя родов своих ни за что почитают, но каждый живет для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своя; несть верности к государю, ибо главное стремление почта всех обманывать своего государя, дабы от него получать чины и прибыточные награждения; несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконец несть твердости духу, дабы не токмо истину пред монархом сказать, но ниже временщику в беззаконном и зловерном его намерении попротивиться.

Толь совершенное истребление всех благих нравов, грозящее падением государству, конечно должно какие основательные причины иметь, которые во первых я подщуса открыть, а потом показать и самую историю, как нравы час от часу повреждались, даже как дошли до настоящей развратности.

Стечение многих страстей может произвести такое повреждение нравов, а однако главнее из сих я почитаю сластолюбие. Ибо оно рождает разные стремительныя хотения, а дабы достигнуть до удовольствия оных, часто человек ничего не щадит. В самом деле, человек, предавшей себя весь своим беспорядочным хотениям, и обожа внутри сердца своего свои охулительные страсти, мало уже помышляет о законе божий,

а тем меньше еще о узаконениях страны, в которой живет. Имея себя единого в виду, может ли он быть сострадателен к ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы? А как государя считает источником, от коего может получить такие награждения, которые могут дать ему способы исполнить свое сладострастие, то привязывается к нему, но не с тою верностью, каковую бы должен преданной к самодержцу своему иметь, но с тем стремлением, к чему ведет его страсть, то есть, чтобы угождать во всем государю, льстить его страстям и подвигнуть его награждать его. А таковые расположения не рожают твердости; ибо может ли тот быть тверд, которой всегда трепещет не достигнуть до своего предмету, и которого твердость явным образом от оного удаляет? Юлий Цесарь, толь искусный в познании сердец человеческих, яко искусен в военных и политических делах, который умел побеждать вооруженных противу его врагов и побежденных сердца к себе обращать. Не иное что ко утверждению своего похищенные власти употребил, как большия награждения, дабы, введши чрез сие сластолюбие, к нему якобы ко источнику раздаяней более людей привязывались. Не токмо всем своим поступком изъяснял такая свои мысли, но и самыми словами единожды их изъяснил. Случилось, что ему доносили нечто на Антония и на Долабелу, якобы он их должен опасаться. Отвечал, что он сих в широких и покойных одеждах ходящих людей, любящих свои удовольствия и роскошь, никогда страшиться причины иметь не может. Но сии люди, продолжал он, которые о великолепности ни о спокойствии одежд не радят, сии иже роскошь презирают, и малое почти за излишнее считают, каковы суть Брутус и Кассий, ему опасны в рассуждении намереней его лишить вольности римский народ. Не ошибся он в сем, ибо подлинно сии его тридцети тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали. И тако самый сей пример

и доказует нам, что не в роскоши и сластолюбии издыхающая римская вольность обрела себе защищение, но в строгости нравов и в умеренности.

Отложа все суровости следствий непросвещения и скитающейся жизни диких народов, рассмотрим их внутренния и не истребленные, влиянные природою в сердце человеческое добродетели. Худы ли или хороши их законы, они им строго последуют; обязательства их суть священы, и почти не слышно, чтобы когда кто супруге или ближнему изменил; твердость их есть не вероятна, они за честь себе считают не токмо без страху, но и с презрением мученей умереть; щедрость их похвальна, ибо все, что общество трудами своими приобретает, то все равно в обществе делится, и нигде я не нашел, чтоб дикия странствующие и не просвещенные народы похитили у собратей своих плоды собственных своих трудов, дабы свое состояние лучше других сделать. А все сие происходит, что несть в них и не знают они сластолюбия, следственно и никакого желания, клонящегося в ущерб другому, а к пользе себе, иметь не могут.

Довольно я уже показал, что источник повреждения есть сластолюбие; приступлю тапериче показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моих одноземцов. Но, дабы говорить о сем, надлежит сперва показать состояние нравов россиан до цар-ствования Петра Великого.

Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели весьма простую, дворцы их были не обширны, яко свидетельствуют оставшийся древний здания. Семь или восемь, а много десять комнат составляли уже довольно число для вмещения государя. Оные состояли: крестовая, она же была и аудиенц-камера, ибо тут приходили и ожидали государя бояре и другие сановники; столовая гораздо небольшая, ибо по разрядным книгам видим, что весьма малое число бояр удо-

стаивалось иметь честь быть за столом у государя; а для каких великолепных торжеств была назначена Грановитая палата. Не знаю я, была ли у государей передспальня, но кажется по расположению старых дворцов, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня и оные были не розные с царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для девушек царицыных, и обыкновенно она была одна, и для малолетних детей царских, которые по два и по три в одной комнате живали; когда же возрастали, то давались им особливые покои, но и оные не больше состояли как из трех комнат, то есть, крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сии больших украшений не имели, ибо стены были голые, и скамьи стояли покрыты кармазинным сукном, а изыскемое было великолепие, когда дурною резною работою вокруг дверей были сделаны украшения, стены и своды вымазаны иконописным письмом, образами святых, или так цветы наподобия арабеска; и естли было несколько ореховых стульев или кресел для царя и царицы, обитых сукном или трипом, то сие уже высшая степень великолепия была. Кроватей с занавесами не знали, но спали без занавесок. А уже в последния времена токмо, яко знатное великолепие было, что обили в царском доме крестовую палату золотыми кожами, которую палату, бывшую возле красного крыльца, я сам помню с почернелыми ея обоями.

Стол государев соответствовал сей простоте, ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобы государи кушивали не на серебре, но потому, что в мастерской палате не вижу порядочного сервизу серебряного, заключаю, что тогда государи кушивали на олове; а серебряные блюда и сделанные горы наподобие Синайских, также и другия столовые украшения употреблялися токмо в торжественные дни.

Кушанье их сходственно с тем же было, хотя блюда были многочисленны, но, они все состояли из простых вещей. Го-

вядина, баранина, свинина, гуси, куры индейския, утки, куры русския, тетеревы и поросята были довольны для составления великолепнейшего стола, с прибавлением множества пирожного, не всегда из чистой крупчатой муки сделанного. Телятину мало употребляли, а поеных телят и каплунов и не знали. Высочайшее же великолепие состояло, чтоб круг жареного и ветчины обернуть золотою бумагою, местами пироги раззолотить, и подобное. Потом не знали ни капорцов, ни оливков, ни других изготовленных для побуждения аппетита, но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконец за великолепие уже считалось подать студень с солеными лимонами.

Рыбный стол еще тощее мясного был. Садков купеческих было очень мало, и не имели искусства из дальних мест дорогую живую рыбу привозить, да к тому же государев двор был не на подяре, но из волостей своих всем довольствовался. И тако в Москве, где мало состояло обильства рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую в Москве-реке и в ближних реках ловили, а как происходил чувствительный недостаток в столе государеве, то сего ради как в самой Москве, так и по всем государевым селам, сделаны были пруды, из которых ловили рыбу про стол государев; впротчем же употребляли соленую, привозя из городов, из которых на многия, где есть рыбные ловли, и в дань она была положена, как мне случилось самому видеть в Ростове грамоты царския о сей дани. А зимою привозили и из дальних мест рыбу мерзлую и засольную, которая к столу государей употреблялась.

Десерт их такой же простоты был, ибо изюм, коринка, винные ягоды, чернослив и медовые постилы составляли оной, что касается до сухих вещей. Свежие же летом, и осенью были: яблоки, груши, горох, бобы и огурцы. А думаю, что дынь и арбузов и не знали, разве когда несколько арбузов привезут из

Астрахани. Привозили еще и виноград в патоке, а свежего и понятия не имели привозить, ибо оный уже на моей памяти в царствование императрицы Елисаветы Петровны, тщаниями Ивана Антоныча Черкасова, кабинет-министра, начал свежей привозиться.

Для толь малого числа покоев не много бы освещения надобно, но и тут не токмо не употребляли, но и за грех считали употреблять восковые свечи, а освещены были комнаты салными свечами, да и тех не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, где четыре свечи на подсвешниках поставлялись.

Напитки состояли: квас, кислые щи, пиво и разные меды, из простого вина сделанная вотка. Вины: церковное, то есть красное ординарное вино, ренское, под сим именем разумелся нетокмо рейнвейн, но также и всякое белое ординарное вино; романея, то есть греческия сладкия вина, и аликант. Которые чужестранные напитки с великою бережливостию употребляли. И погребя, где они содержались, назывались фряжския, потому что как первые оные, а паче греческия, получались чрез франков, а другия знали, что из Франции идут, то общее имя им и дали фряжских вин.

Таков был стол государев в рассуждении кушанья и напитков; посмотрим, какия были их экипажи. Государи и все бояре летом езжали всегда верхом, а зимою в открытых санях, но в чрезвычайных случаях, как находим по летописцам, что в случае болезни, когда государь в походе занеможет, то также сани употребляли и летом. И правда, что в верховой езде государственной великое было великолепие, яко видно по оставшимся конским уборам, хранящимся в мастерской, палате. Арчаги седл были с камнями, стремяна золотые или с камнями, муштуки также драгоценными камнями были покрыты, подушки бархатные, шитые или золотом, или серебром, или и

низанные жемчугом, с запонами драгоценных камней, попоны тому же великолепию подобные, бархатные или аксаметные золотые, с шитьем иль с низаньем и с камнями. Но сие азиатское великолепие неубытошно было, ибо, сделанные единой, таковые уборы на многия столетия могли служить.

Царицы же езжали обыкновенно в колымагах, роде корет, сделанных снаружи на подобие фурманов, где не было ни места, чтоб сидеть, ни окошек, но клали внутрь пуховики для сиденья, а вместо нынешних драгоценных точеных стекол, опускающейся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такая коляски удобны быть ни к какому украшению, ибо снаружи они все обиты были кожею, а верх веколепия в делание оных состоял, чтоб наружную кожу, местами позолоченную и тисненную, употребить. Корет же не токмо не знали, но и воображения о них не имели, ибо уже и в царствовании Петра Великого ближний мой свойственник, боярин князь Михаиле Иванович Лыков, человек пребогатый, бывши воеводою у города Архангельского, выписал ореховую, украшенную резьбою карету с точеными стеклами, по смерти его сия корета досталась деду моему, и почиталась толь завидною и драгоценной вещию, хотя и снова тысячи рублей не стоила, что князь Меншиков делал нападки на деда моего, чтобы ее получить, и за неотдание учинил, что дед мой лишился всех недвижимых именей, которые бы надлежало ему наследовать после супруги князя Лыкова.

Возрим таперя на одежды царския. Они были великолепны. В торжественных их одеяниях золото, жемчуг и камень повсюдова блистали; но обыкновенные одежды, в коих более наблюдали спокойствие, нежели великолепие, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбия, а торжественные толь редко употреблялись и толь крепки были, что их на, носильные одежды и почитать не должно, но были они яко